

Артисты Калининского драмтеатра, участники творческого вечера в Московском Доме актера слушают рассказ художественного руководителя театра тов. Виноградова (в центре, у стола) о его беседе с народным артистом СССР И. М. Москвиным. Фото И. ФРОЛОВА.

ВСТРЕЧА С МАСТЕРАМИ ТЕАТРА

На днях, как известно нашим читателям, состоялся организованный Всероссийским Театральным Обществом творческий вечер Калининского областного драматического театра в Московском Доме актера. На вечере были показаны отрывки из постановок: «Отелло» — Шекспира, «Последняя жертва» — Островского, «Мать» — Горького и «Дружба» — Гусева. На просмотре присутствовали крупнейшие мастера советского театра. Их оценка творческой работы театра выражена в следующей телеграмме, полученной на имя обкома ВКП(б), облисполкома и редакции «Пролетарской правды».

«ОРГАНИЗОВАННЫЙ В МОСКОВСКОМ ДОМЕ АКТЕРА ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР КАЛИНИНСКОГО ТЕАТРА ПОКАЗАЛ НЕСОМНЕННУЮ СПЯННОСТЬ КОЛЛЕКТИВА. ПОКАЗАННЫЕ СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ ОТМЕЧЕНЫ КУЛЬТУРОЙ И УБЕЖДАЮТ, ЧТО ТЕАТР НА ВЕР-

НОМ ПУТИ, ИМЕЕТ ВСЕ ДАННЫЕ ВЫРАСТИ В ЦЕННЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА.

Народные артисты Союза ССР, орденосцы ЯБЛОЧКИНА и МОСКВИН, народная артистка, орденосец ТУРЧАНИНОВА, заслуженный деятель искусств БЕРСЕНЬЕВ, заслуженные артисты МАНСУРОВА и ЧЕБАН».

Одновременно с этим на товарищеском собеседовании мастера театра подвергли строгой критике серьезные недостатки в работе Калининского театра и дали весьма ценные советы.

Наиболее детальные и подробные указания были даны народным артистом СССР, депутатом Верховного Совета СССР И. М. Москвиным. В публикуемой ниже статье художественного руководителя Калининского драмтеатра тов. Виноградова и приводится эта беседа с выдающимся мастером советской драматургии.

... Иван Михайлович Москвин поднимается ко мне навстречу приветливый и радушный, с обаятельной, ласковой улыбкой. Он внимательно вглядывается в собеседника своими живыми, удивительно молодыми глазами, зоркими глазами пытливого, наблюдательного художника.

Беседа завязывается сразу. Иван Михайлович подробно спрашивает о театре, о его творческом составе, об актерам со стажем, о молодежи, об образовании, которое получили молодые актеры нашего театра. Все живо интересует Москвина, — он детально спрашивает даже о здании театра, размерах сцены, акустике.

Иван Михайлович переходит к детальному разбору отрывков, показанных нам на творческом вечере, и дает режиссеру замечательные, ценные советы.

— Огромное большинство актеров, — говорит он, — не живут на сцене, а играют. Бывает так, что хорошие актеры и очень хорошо, иной раз виртуозно, играют, — и все-таки это игра, а не жизнь. И в игре таких актеров очень мало жизненного самочувствия, а гораздо больше представления.

— В «Последней жертве» самым живым показался мне Флор Федулыч. Он очень прост и скуп в своих выразительных средствах, у него нет лишних жестов, лишних переходов. А скупость и простота — это очень ценные качества в актере. Зато поцелуй Юлии Флор Федулыч должен был бы и пережить и оценить гораздо глубже, полнее («Дорогого стоит!»), — и тогда значительно больше выиграл бы финальный кусок акта. (Кстати, Иван Михайлович замечательно раскрывал этот кусок в беседе с исполнителем роли — К. Г. Лаврецким).

— Н. Н. Снежина очень корректно играет свою Юлию, но я бы сказал, что она скорее актриса представления, и ее Тугина скорее готовая, отделанная роль, чем жизненный образ. В сцене, где Юлия просит денег у Флора Федулыча, хотелось бы больше общения с партнером, больше зависимости от него. Отсюда появляются новые краски, рождаются новые свежие оттенки в исполнении. Думаю, что Снежиной легко будет перестроиться: актриса она опытная, а ведь опытный актер скорее и легче может разобраться в том, что у него наигрыш и что правда, и где он верно, правдиво играет.

— Главное в искусстве актера, в работе актера — это поиски правды, жизненности, искренности, главное — в раскрытии глубин души человеческой, правдивости человеческих взаимоотношений. И, конечно, «представленчество», т. е. то, что актер все время чувствует публику, здесь может очень сильно мешать.

Мне кажется, что в вашем вечернем спектакле есть еще это чувство публики, актер еще чувствует зрителя в «вынутой» четвертой стене.

Второй упрек: недостаточно еще общения с партнером. Хороший партнер очень много значит для актера, — хороший партнер может очень сильно помочь в поисках правды на сцене, может иногда задать и новые, неожиданные задачи, а это сразу освежит сцену. А с актером с готовым образом, с готовыми интонациями всегда трудно играть, — ему нет никакого дела до партнера, — он сам с собой играет. У Сашеньки в «Матери» мало общения с Павлом. И в «Дружке» ваша девушка, ведя сцену с любимым человеком, так мало смотрит ему в глаза, а ведь она его любит. Кстати, живость вашей девушки вся от ума, вся придумана — это представленческая живость. В ней надо убить актерский нерв, ведь в таком напряжении целый день прожить нельзя, — к вечеру будешь больным человеком...

Москвин подробно останавливается на мышечном напряжении, зажатости, скованности актера. Такому актеру всегда трудно играть и с ним трудно играть, — он весь точно в броне, скованный, весь стальной, металлический. После спектакля такой актер обычно чувствует

себя усталым, разбитым. Признаки такого напряжения особенно заметны в игре П. А. Покровского и отчасти М. П. Рыбакова (Весовщиков).

В «Матери» он отмечает обаятельное дарование И. П. Лобанова (Андрей Находка) и простоту, искренность Е. Ф. Котович (мать).

— Если бы вам удалось снять некоторый налет мелодраматичности с этой сцены, — было бы гораздо лучше, — прибавляет он.

Иван Михайлович живо интересуется процессом работы над спектаклем: застойным периодом, «обговариванием» текста, репетициями на сцене и т. д. Он снова дает ценнейшие педагогические советы режиссеру.

— Когда за столом распаивается текст пьесы, бывает так, что актеры придумывают названия кусков и берут их из головы, оставаясь холодными. Это очень опасно: актер с холодной головой рискует остаться рационалистичным, сухим и может здорово навредить, сфальшивить. Актер должен внутренне волноваться каждым куском своей роли, должен внутренне прожить куски, — и тогда весь образ будет наполнен, согрет большим внутренним содержанием.

Актер в таких случаях как бы получает ноты своей роли и, пробега глазами куски и «мостики» между ними, он очень легко повторяет свою роль.

Иван Михайлович много говорит о наблюдательности актера. Он вспоминает свою работу над ролью Голтувина в комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Актер Москвин внимательно наблюдал мелких адвокатов «от Иверских ворот» в Москве. Наблюдательность помогла актеру на репетициях показать режиссеру спектакля В. И. Немировичу-Данченко целую галерею эскизов Голтувина.

Иногда актер дает очень острый рисунок роли, но этот острый рисунок имеет право на существование лишь в том случае, если он внутренне оправдан актером, не противоречит пьесе и не идет в разрез с игрой остальных актеров, не мешает партнерам.

Встречаются актеры, которые, играя характерные роли, стариков, придумывают себе необычные хрипы, гунявые голоса (Москвин показывает), такие голоса и в жизни-то редко встретишь, а актер доволен со-

бой и гордится своей «выдумкой». Но живые чувства не пробиваются через эти голосовые трюки. Такой актер обычно говорит на одной ноте всю роль и очень быстро надоедает публике своей однотонностью, однообразием, своим штампом.

Иногда полезно бывает режиссеру не смотреть на сцену, а проверить, закрыв глаза, правдиво ли, жизненно ли, верно ли говорит актер. Если у режиссера чуткое ухо, он сразу различит фальшь, наигрыш.

Большая и ответственная задача режиссерской работы, — воспитание чувства ансамбля в коллективе. Здесь режиссеру иногда приходится сталкиваться с актерами, больше всего любящими себя в искусстве, актерами, старающимися быть в центре внимания, «поближе к публике». Воспитание чувства ансамбля в коллективе, — к этому должен стремиться каждый серьезный театр.

... Беседа длится больше двух часов. Время летит незаметно. Рождаются новые мысли, возникают новые вопросы.

Иван Михайлович подробно на все отвечает, приводит примеры из своей богатой опытом творческой жизни.

Приносят почту. Рабочий стол Ивана Михайловича завален письмами. Корреспонденция Москвина огромна, — ему пишут со всех концов нашей обширной страны. Замечательный мастер советского театра народный артист Союза, депутат Верховного Совета множеством нитей связан с родным советским искусством, со всем советским народом.

С сожалением вспоминаю, что надо попрощаться. На прощанье Иван Михайлович обещает прислать театру свои беседы с молодыми актерами, — книга эта должна на днях выйти из печати.

Встреча с замечательным мастером и вся поездка в Москву дала нам очень много. Конечно, ласковые слова и похвалы мастеров были очень приятны для работников театра, но гораздо ценнее замечания, советы и указания, сделанные мастерами.

Впереди — большая и упорная работа над поднятием политического и художественного качества наших спектаклей, над повышением идейного и творческого уровня всего коллектива.

С. В. ВИНОГРАДОВ.